Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве

МАТЕЙКОВИЧ Максим Станиславович, судья Тюменского областного суда, доктор юридических наук, профессор
625038, Россия, г. Тюмень, ул. 8 Марта, 1
E-mail: mat-maxim@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в отечественном уголовном судопроизводстве, в том числе проблема справедливого разрешения юридического конфликта между потерпевшим и лицом, совершившим преступление.

Цель исследования — проанализировать реализацию двух основных задач уголовного судопроизводства: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод в контексте достижения баланса конституционных ценностей.

Автором статьи проведен обзор современной литературы по данному вопросу, проанализирован ряд правовых позиций Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, Европейского суда по правам человека, сделаны обобщения, в том числе на основе личного опыта рассмотрения уголовных дел в апелляционной инстанции Тюменского областного суда.

По мнению автора, Конституция Российской Федерации обладает собственным регулирующим потенциалом, полноценное использование которого является залогом если не полного преодоления, то значительного сокращения числа судебных ошибок, влекущих нарушение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. Указывается на необходимость преодоления стереотипа правосознания отдельных сотрудников правоохранительных органов, рассматривающих правовые позиции Конституционного Суда России как акты рекомендательного характера. Отмечается взаимосвязь конституционных и морально-этических основ уголовного судопроизводства, которые должны определять решения и действия как судьи, так и следователя, прокурора, адвоката. Высказываются предложения по совершенствованию контрольных полномочий суда в ходе предварительного расследования.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, уголовное судопроизводство, права человека, справедливость, судебные ошибки.

Implementation of Constitutional Norms and Protection of Human Rights in Domestic Criminal Proceedings

M. S. MATEYKOVICH, judge of the Tyumen Regional Court, doctor of legal sciences, professor
1, 8 Marta st., Tyumen, Russia, 625038
E-mail: mat-maxim@yandex.ru

Human rights are one of the basic values of the Constitution of the Russian Federation. As follows from its preamble, the assertion of human rights and freedoms is the first among the goals for which the Russian people adopted its Basic Law in 1993.

The purpose of the study is to analyze the implementation of the two main tasks of criminal justice: protecting the rights and legitimate interests of individuals and organizations that have suffered from crimes and protecting the individual from unlawful and unreasonable accusation, condemnation, restriction of her rights and freedoms in the context of the balance of constitutional values.

The author reviewed modern literature on this issue, analyzed the legal positions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, the European Court of Human Rights, made generalizations, including on the basis of his own experience in the appellate instance of the Tyumen Regional Court.

In the author's opinion, the Constitution of the Russian Federation in itself has a regulatory capacity, the use of which will make it possible to significantly reduce the number of judicial errors entailing the violation of human rights in criminal proceedings. It points to the need to overcome the stereotype that the legal positions of the Constitutional Court of Russia are acts of a recommendatory nature. In

the work, there is a close relationship between the constitutional and moral and ethical foundations of criminal proceedings, which should determine the decisions and actions of the judge, investigator, prosecutor, lawyer. Proposals are being made to improve the control powers of the court during the preliminary investigation.

Keywords: Constitution, criminal justice, human rights, justice, judicial errors.

DOI: 10.12737/art_2018_5_3

Права человека — одна из базовых ценностей действующей Конституции России. Как следует из ее преамбулы, утверждение прав и свобод человека — первая в числе целей, во имя которых многонациональный российский народ принял в 1993 г. свой Основной закон.

С. С. Алексеев, указывая на отдельные структурные недостатки конституционного текста, в целом с удовлетворением отмечал, что положения о правах человека закреплены здесь в самом широком и детализированном диапазоне, «по максимуму», в полном согласии с общепризнанными принципами и нормами международного права, имеют прочную духовно-нравственную основу, в центре которой находится идея достоинства человека, выражающая его высокий статус в обществе¹.

Применение уголовного закона сопряжено с самыми суровыми мерами ответственности, в том числе непосредственно посягающими на достоинство личности и самые существенные блага, с ним связанные: честь, доброе имя, свободу, а иногда и жизнь².

Но и сама преступность часто сопряжена с посягательством на те же ценности: жизнь, здоровье, свободу человека, его неприкосновенность. Любое преступление — это всегда вызов обществу, общественная опасность — сущностный критерий любого преступления. Даже если преступник посягнул на пра-

ва одного человека, эти права, как и сам потерпевший, — высшая ценность, охраняемая и защищаемая государством.

Поэтому уголовное судопроизводство имеет две равнозначные задачи: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Тем самым обеспечивается баланс именно конституционных ценностей: с одной стороны, презумпция невиновности и права обвиняемого — на рассмотрение дела по подсудности, на суд присяжных, на помощь адвоката, на отказ от дачи показаний, на опровержение своей невиновности исключительно законными средствами и на пересмотр приговора (ст. 47—51 Конституции РФ); с другой стороны — права потерпевших, которым должен быть обеспечен доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба (ст. 52).

Ни уголовный, ни уголовно-процессуальный законы не существуют изолированно от конституционных норм, поскольку и тот, и другой основаны на Конституции РФ (ч. 2 ст. 1 УК РФ, ч. 1 ст. 1 УПК РФ). Можно ли относить эти базовые для уголовного судопроизводства установки материального и процессуального права к коллизионным нормам и тем более к декларациям?³

Одно из бесспорных достоинств действующего Основного закона

¹ См.: Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву // Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М., 2010. С. 104—106.

² См.: Елинский А. В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 159—176.

³ См., в частности: Гурьянова В. В. Проблемы определения понятия, структуры, особенностей и функционального назначения коллизионных норм национального права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. С. 36.

страны — принцип его прямого действия (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ), исходя из которого суд, разрешая дело, применяет Конституцию *непосредственно*. Как следует из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», такое непосредственное применение Конституции является обязательным, когда ее положения не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона.

В частности, не нужна какая-либо конкретизация положения ст. 51 Конституции РФ о праве не свидетельствовать против себя самого. Именно конституционная норма разъясняется подозреваемому и обвиняемому перед началом допроса, и на нее он, как правило, ссылается, отказываясь от дачи показаний как на следствии, так и в суде.

Практический смысл этой конституционной нормы гораздо шире возможности не отвечать на вопросы следователя, прокурора или суда. Гарантируемый Конституцией иммунитет устраняет обязанность лица, подвергающегося уголовному преследованию, признавать свою вину в инкриминируемом деянии. И если при постановлении обвинительного приговора, т. е. при наличии совокупности доказательств, опровергающих невиновность, признание вины может быть обстоятельством, смягчающим наказание, то в рамках исполнения приговора признание либо непризнание вины утрачивает какое-либо значение и не влияет на принятие таких решений, как условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания наказания, отмена условного осуждения и снятие судимости, изменение вида исправительного учреждения и т. д.

Регулирующий потенциал Конституции в сфере уголовного судопроизводства колоссален и недекларативен. Раскрытию этого потенциала, бесспорно, способствуют решения Конституционного Суда РФ, чьи правовые позиции нередко заставляют переосмыслить сложившиеся в правоохранительной системе стереотипы.

Так, Конституционный Суд сформулировал позицию, согласно которой закон, улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу и подлежит применению в конкретном деле независимо от стадии судопроизводства, в которой должен решаться вопрос о применении этого закона, и независимо от того, в чем выражается такое улучшение⁴.

Именно Конституционный Суд обязал федерального законодателя ограничить продолжительность нахождения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми и гражданскими ответчиками по уголовному делу, разумными сроками, которые должны устанавливаться судом с соблюдением процессуальных прав собственников арестованного имущества⁵.

Один из центральных вопросов уголовного судопроизводства — укрепление в законе возможности ограничения свободы и личной неприкосновенности — Конституцион-

⁴ См. постановление КС РФ от 20 апреля 2006 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 10 УК РФ, ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений УПК РФ, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устранившим или смягчающим ответственность за преступление.

⁵ См. постановление КС РФ от 21 октября 2014 г. № 25-П по делу о проверке конституционности положений ч. 3 и 9 ст. 115 УПК РФ.

ный Суд признал «результатом законодательного разрешения коллизии между правом каждого на свободу и обязанностью государства обеспечить посредством правосудия защиту значимых для общества ценностей». Отсюда не допускается возможность содержания обвиняемого под стражей без судебного решения, в том числе после направления прокурором или вышестоящим судом уголовного дела на рассмотрение в суд⁶.

Все приведенные позиции применяются судами общей юрисдикции при рассмотрении уголовных дел, что опровергает упомянутый тезис о декларативности конституционных норм.

И, несомненно, нужно менять отношение к решениям Конституционного Суда на уровне правосознания отдельных представителей правоохранительных органов, от которых можно услышать чуть ли не о рекомендательном значении актов конституционной юстиции. Н. В. Витрук убедительно писал, что правовые позиции органов судебного конституционного контроля имеют юридическую силу, равную юридической силе самой Конституции⁷. Поэтому Конституционный Суд не просто обогащает предписания ч. 2 ст. 1 УК РФ и не просто обязывает уголовно-правовую доктрину и практику осваивать его позиции для лучшего понимания наиболее об-

щих институтов уголовного права и отдельных его предписаний⁸. Через свои позиции Конституционный Суд обеспечивает реальное воплощение в жизнь норм ч. 2 ст. 1 УК РФ и ч. 1 ст. 1 УПК РФ о том, что и уголовный, и уголовно-процессуальный законы основаны на Конституции, в том числе в ее интерпретации, данной Конституционным Судом.

Практика применения уголовного и уголовно-процессуального законов непрерывно обогащается и также непрерывно ставит перед доктриной новые вопросы, требующие разрешения на законодательном уровне, а, возможно, и при непосредственном вмешательстве Конституционного Суда.

Одна из ключевых проблем уголовного судопроизводства — справедливое разрешение юридического конфликта между потерпевшим и лицом, совершившим преступление, что, собственно, и является предназначением уголовного судопроизводства.

Комментируя нормы материального и процессуального права, ученые часто заявляют о нарушении в них баланса интересов потерпевшего и обвиняемого, обвиняемого и общества. Одинаковые положения законов рассматриваются исследователями с диаметрально противоположных позиций.

Одни авторы видят в уголовной политике государства перекося в сторону права на защиту обвиняемого, при этом муки потерпевшего от преступления, как они пишут, забываются, не происходит полного восстановления нарушенных преступлением прав и свобод, 80% реально совершенных преступлений остаются латентными⁹.

⁶ См. постановление КС РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ряда положений УПК РФ, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд.

⁷ См.: Витрук Н. В. Конституционная ответственность: вопросы теории и практики // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / под ред. С. А. Авакьяна. М., 2001. С. 34.

⁸ См.: Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М., 2009. С. 324—325.

⁹ См.: Лунеев В. В. Права человека и преступность в глобализующемся мире // Права человека и процессы глобализации совре-

Другая группа авторов видит обвинительный уклон в современном уголовном судопроизводстве, который проявляется в признании преступлением деяния, не содержащего признаков состава преступления, в квалификации содеянного по статье или части статьи УК РФ с более строгой санкцией, в назначении чрезмерно сурового наказания¹⁰. Поэтому утверждается, что процессуальные гарантии должны действовать в отношении того, кто предстал перед следствием и судом. В этом состоит социальное назначение уголовного процесса, и в этом же выражается подлинная защита интересов потерпевшего, который не получит удовлетворения от того, что будет наказан не действительный, а лишь вероятный преступник¹¹.

Ответы на поставленный и многие другие сложные вопросы даны Конституцией, из преамбулы которой следует, что, принимая ее, российский народ чтит память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость. Как отмечает В. В. Лазарев, справедливость, как и свобода, есть «исторически и социокультурно обусловленный концепт», она должна не только провозглашаться, но и находить реализацию в фактических общественных отношениях, хотя само по себе закрепление принципа справедливости в уголовном законе (ст. 6 УК РФ) уже имеет серьезное значение¹².

менного мира / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2007. С. 425—426.

¹⁰ См.: *Рахманова Е. Н.* О целях и задачах уголовного закона // *Адвокатская практика*. 2015. № 1. С. 34—39.

¹¹ См.: *Мизулина Е. Б., Савицкий В. М.* Судебная защита прав и свобод человека и гражданина // *Права человека: учебник* / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2009. С. 347.

¹² См.: *Лазарев В. В.* Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // *Журнал российского права*. 2017. № 7. С. 13.

Конституционный Суд неоднократно подчеркивал, что правосудие по своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах. В рамках уголовного судопроизводства это предполагает установление на основе исследованных доказательств обстоятельств происшествия, в связи с которым было возбуждено уголовное дело, его правильную правовую оценку, выявление конкретного вреда, причиненного обществу и отдельным лицам, и действительной степени вины лица в совершении инкриминируемого ему деяния¹³. Одновременно судебная процедура признается эффективным механизмом защиты прав и свобод, если она отвечает требованиям справедливости и основывается на конституционных принципах состязательности и равноправия сторон¹⁴.

Несомненно, конституционному принципу справедливости отвечает только справедливый приговор, по которому осужденному назначено справедливое наказание, т. е. адекватное содеянному, учитывающее характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного¹⁵.

Исходя из приведенных позиций Конституционного Суда, самой сути правосудия и его принципам, включая принцип справедливости, противоречат судебные ошибки, приводящие к нарушению прав, свобод и законных интересов личности. Такие ошибки в силу разных объективных и субъективных причин

¹³ См. постановление КС РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также гл. 35 и 39 УПК РФ.

¹⁴ См. постановление КС РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П.

¹⁵ См. постановление КС РФ от 27 февраля 2003 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положения ч. 1 ст. 130 УИК РФ.

(например, отсутствие жалоб) могут остаться неустраненными. И даже устраненные вышестоящим судом нарушения закона не всегда позволяют полностью загладить вред, причиненный достоинству и автономии личности, вернуть утраченное имущество, работу, восстановить разрушенную семью, если рассматривать с таких позиций незаконный обвинительный приговор, отмененный спустя длительное время после его вынесения, отказ в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в виде лишения свободы, признанный необоснованным через многие месяцы после рассмотрения ходатайства осужденного, и т. д.

Судебные ошибки болезненно воспринимаются не только заинтересованными лицами, но и обществом в целом. Внимание к ним в информационном пространстве сопоставимо с ошибками врачебными, а оценка их причин и последствий далеко не всегда отвечает принципу объективности. И если врачебное сообщество видит путь минимизации риска дефектов медицинской помощи через унификацию методов диагностики и лечения путем разработки стандартов, протоколов, клинических рекомендаций едва ли не по каждому опасному для жизни и здоровья состоянию человеческого организма, то унифицировать судебные решения невозможно, да и не нужно.

Разъяснения Верховного Суда РФ, по смыслу ст. 126 Конституции РФ и п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», есть результат изучения и обобщения практики самих судов и преследуют только одну цель — обеспечение единообразного применения закона. Закон не может применяться не единообразно — только так могут выполняться нормы Конституции о его верховенстве на всей территории страны (ч. 2 ст. 4) и обязательности для органов государственной власти, долж-

ностных лиц, граждан и их объединений (ч. 2 ст. 15).

С принятием данной редакции ст. 126 Конституции и названного Федерального конституционного закона вопрос о юридической силе разъяснений Верховного Суда, который неоднократно поднимался разными поколениями исследователей, можно считать закрытым. Как отмечено Т. Я. Хабриевой, уяснение и разъяснение правовых норм представляют собой две взаимосвязанные стороны процесса толкования, ценность которого состоит именно в его разъяснении и наиболее наглядно проявляется в ходе применения права¹⁶. Поэтому разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства есть не что иное, как акты толкования закона, имеющие официальный и обязательный характер в силу закрепления соответствующего полномочия именно за Верховным Судом РФ.

Однако при единообразном применении закона не может быть абсолютно идентичных фактических обстоятельств преступлений, не бывает одинаковых преступников и, соответственно, не должно быть приотнositельно определенных санкций в одинаковых, переходящих из приговора в приговор наказаний.

Усмотрение судьи — это элемент культуры правоприменения, востребованный как обществом в целом, так и отдельными участниками судопроизводства. Усмотрение не только не противоречит справедливости, поскольку в уголовном судопроизводстве обеспечивает в том числе индивидуализацию наказания. В установленных законом пределах оно обусловлено нравственно-этическими началами справедливости. Так, в силу ч. 1 ст. 17 УПК РФ суд оценивает доказательства по

¹⁶ См.: Хабриева Т. Я. Толкование норм права // Теория государства и права: учебник для юридических вузов / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2003. С. 481—494.

своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом не только законом, но и совестью.

Законодатель, в свою очередь, не должен стремиться любой ценой исключить оценочные нормы, ибо «разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций»¹⁷.

Чтобы при этом усмотрение судьи не переросло в произвол, оценочные нормы должны присутствовать в законе при невозможности иного типа регулирования и при безусловном праве стороны добиваться отмены решения, не отвечающего требованиям справедливости¹⁸.

Таким образом, преодоление дефектов судебного разбирательства по уголовному делу видится отнюдь не в тотальной регламентации алгоритма принятия правоприменительного решения.

Конституция РФ сама по себе обладает регулирующим потенциалом, полноценное использование которого является залогом если не полного преодоления, то значительного сокращения числа судебных ошибок.

Во-первых, это безусловное выполнение конституционных норм о независимости судебной власти, содержание которой блестяще раскрыто в «Основных принципах независимости судебных органов»,

¹⁷ См., например, постановление КС РФ от 30 июня 2011 г. № 14-П, определения от 21 февраля 2008 г. № 120-О-О, от 19 марта 2009 г. № 231-О-О, от 17 июля 2014 г. № 1807-О.

¹⁸ См., в частности: Шарнина Л. А. Понятие усмотрения (дискреции) в праве. Отличия усмотрения органов власти от усмотрения граждан и юридических лиц // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8. С. 12—17.

принятых на седьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившем в г. Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 г., и одобренных резолюцией 40/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 1985 г.: «Судебные органы решают переданные им дела беспристрастно, на основе фактов и в соответствии с законом, без каких-либо ограничений, неправомерного влияния, побуждения, давления, угрозы или вмешательства, прямого или косвенного, с чьей бы то ни было стороны и по каким бы то ни было причинам». Лучше не скажешь: независимость суда — это не только отсутствие вмешательства извне, это и независимость судьи от собственных эмоций, симпатий, настроения, личных, семейных обстоятельств: только беспристрастное следование закону на основе правильно установленных фактических обстоятельств.

Во-вторых, решение суда, принятое в рамках производства по уголовному делу, должно быть мотивированным. Хотя Конституция РФ не содержит такого требования буквально, именно из конституционного принципа справедливого судебного разбирательства вытекает не только мотивированность как свойство судебного решения, но и качество мотивации. Гарантированный Основным законом доступ каждого к правосудию предполагает право лица довести до суда свою позицию, что, в свою очередь, обязывает суд каждой инстанции рассмотреть каждый довод стороны и аргументированно опровергнуть его или согласиться с ним. Внимательное отношение к доводам сторон — залог того, что часть ошибок удастся избежать, поскольку даже в написанной от руки жалобе осужденного, не только не обладающего юридическим образованием, но и не окончившего весь курс средней школы, встречаются вполне разумные суждения, отвечающие и букве, и духу закона.

В частности, Европейский суд по правам человека, исходя из положений ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., требует от Российской Федерации проводить эффективное, т. е. независимое, незамедлительное и тщательное расследование утверждений лица, находившегося под контролем полиции, о жестоком обращении с ним: «Власти должны предпринять все усилия для выяснения того, что произошло, и не должны опираться на поспешные и необоснованные выводы для того, чтобы завершить расследование или в обоснование своих решений»¹⁹.

Надо признать, что обвиняемые достаточно часто ссылаются если не на физическое, то по крайней мере психологическое принуждение со стороны сотрудников полиции к даче первоначальных признательных показаний, отказываясь от них в суде первой инстанции и даже в ходе апелляционной проверки постановленного приговора, не устраивающего их в силу строгости назначенного наказания. В этом состоит один из способов защиты. Европейский суд также признает, что не каждое расследование жалоб на жестокость полиции ведет к обязательному выводу, который соответствует версии заявителя. Важно, чтобы само расследование в реальности имело место.

Проверяя доводы о принуждении к даче показаний, суд не может отнестись к ним критически лишь на том основании, что ранее обвиняемому уже было отказано в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции. Обычно в таких случаях проверяется как формальное соответствие протокола допроса требованиям закона, так и содержание показаний на предмет их логичности, подробности, присутствие сведений, которые не могли

быть известны следователю. Многочисленные позиции Конституционного и Верховного судов РФ запрещают признавать допустимыми показания оперативных работников о сведениях, ставших им известными при опросе лица, привлекаемого к уголовной ответственности, если этот опрос проведен в отсутствие адвоката²⁰.

Наконец, у суда есть контрольные полномочия, предоставленные ст. 125 УПК РФ, которую целесообразно разгрузить от вопросов, подлежащих разрешению при рассмотрении дела по существу, и сделать основным предметом оперативного судебного контроля решения об отказе в возбуждении и прекращении уголовных дел.

Вместе с тем даже максимальное усердие судьи при проверке доводов подсудимого о принуждении его к даче первоначальных признательных показаний не дает и не может давать полной уверенности в установлении по данному вопросу объективной истины. Судья вообще не должен быть в этом деле одинок. Совесть, будучи мерилом оценки показаний судей, — это и важнейшая морально-этическая основа действий иных участников уголовного судопроизводства, ответственных за его законность. Адвокат, назначенный для защиты интересов подозреваемого, ни при каких обстоятельствах не должен игнорировать жалобы своего подзащитного, не избегать гарантированного ему общения наедине, даже если это приведет к недовольству следователя, от которого зависит частота приглашения данного адвоката для участия в следственных действиях.

¹⁹ Постановление ЕСПЧ от 12 ноября 2015 г. «Дело “Рустам Ходжаев (Rustam Khodzhayev) против Российской Федерации”» (жалоба № 21049/06).

²⁰ См., в частности, определение КС РФ от 20 декабря 2005 г. № 473-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина А. Ю. на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Разве не об этом говорит ст. 48 Конституции РФ, исходя из которой в ходе предварительного расследования в качестве защитника допускается только адвокат, т. е. лицо, обладающее необходимыми профессиональными навыками, что обусловлено задачами правосудия и обязанностью государства гарантировать каждому квалифицированную юридическую помощь?²¹

В литературе обоснованно указывается и на конституционно-правовое значение прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования²², поскольку данные полномочия установлены федеральным законом на основе соответствующей бланкетной нормы Конституции РФ (ч. 1 ст. 129).

Представления, вносимые прокурором на те или иные судебные решения, несомненно, способствуют исправлению допущенных судебных ошибок вышестоящей инстанцией. Но, на наш взгляд, такие представления не должны сводиться к попытке любой ценой оспорить приговор, в частности оправдательный, несмотря на очевидные и надлежащим образом мотивированные выводы суда об отсутствии в деянии состава преступления.

Отдельные государственные обвинители крайне негативно относятся к постановлениям суда о возвращении уголовного дела прокурору, несмотря на то что данные решения принимаются довольно редко, особенно в порядке п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, т. е. при наличии оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления²³.

В связи с этим заметим, что проблемы статистической отчетности, профессиональное самолюбие и права человека в уголовном судопроизводстве — несопоставимые вещи, которые даже не могут быть положены на разные чаши весов при выборе алгоритма действий любого сотрудника правоохранительных органов. Ни количественные показатели, ни стремление отстоять свою позицию любой ценой не могут служить критерием качества работы любого должностного лица, участвующего в уголовном судопроизводстве. Ибо уголовное судопроизводство имеет совсем иные равнозначные цели, которые предельно ясно выражены в ч. 2 ст. 6 УПК РФ: уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, с одной стороны, отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, с другой стороны.

Достижение этих основных целей уголовного судопроизводства, безусловно, определяется и тенденциями уголовно-правового регулирования. Так, Э. Л. Сидоренко обоснованно обращает внимание на привнесение в уголовное право частноправового элемента, что, по ее мнению, идеологически связано с конституционным принципом приоритета прав и свобод личности. Данная тенденция выражается в расширении перечня дел частного и частно-публичного обвинения, освобождении лица от уголовной ответственности в случае примирения с потерпевшим²⁴. При этом позиция потерпевшего не должна довлеть над судьей при назначе-

²¹ См. постановление КС РФ от 28 января 1997 г. № 2-П по делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 47 УПК РСФСР.

²² См.: Исаенко В. Н. Критерии комплексной оценки прокурором материалов предварительного расследования // Законность. 2013. № 9. С. 15—20.

²³ Появление данной нормы уголовно-процессуального закона — один из резуль-

татов его проверки Конституционным Судом РФ (см. постановление КС РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

²⁴ См.: Сидоренко Э. Л. Частноправовые механизмы уголовно-правовой защиты личности // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 65—72.

нии наказания за преступление по делам публичного обвинения, относящегося к исключительным прерогативам государства и суда как органа, осуществляющего государственную власть.

Само по себе уголовно-правовое регулирование не должно быть избыточным. А. В. Елинский справедливо называет уголовно-правовой запрет «последним доводом в инструментарии законодателя» в отношении виновного, когда иные меры

воздействия, включая административную, дисциплинарную, гражданско-правовую ответственность, оказываются недостаточными²⁵.

Уголовно-правовое регулирование, будучи лишь частью общесоциального регулирования, не может и не должно занимать центральное место в нем. Данное центральное место в правовом государстве прочно занято Конституцией.

²⁵ См.: Елинский А. В. Указ. соч.

Библиографический список

Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву // Алексеев С. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М., 2010.

Гурьянова В. В. Проблемы определения понятия, структуры, особенностей и функционального назначения коллизионных норм национального права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11.

Витрук Н. В. Конституционная ответственность: вопросы теории и практики // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / под ред. С. А. Авакьяна. М., 2001.

Елинский А. В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3.

Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М., 2009.

Исаенко В. Н. Критерии комплексной оценки прокурором материалов предварительного расследования // Законность. 2013. № 9.

Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. № 7.

Лунеев В. В. Права человека и преступность в глобализующемся мире // Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2007.

Мизулина Е. Б., Савицкий В. М. Судебная защита прав и свобод человека и гражданина // Права человека: учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2009.

Рахманова Е. Н. О целях и задачах уголовного закона // Адвокатская практика. 2015. № 1.

Сидоренко Э. Л. Частноправовые механизмы уголовно-правовой защиты личности // Журнал российского права. 2017. № 8.

Хабриева Т. Я. Толкование норм права // Теория государства и права: учебник для юридических вузов / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2003.

Шарнина Л. А. Понятие усмотрения (дискреции) в праве. Отличия усмотрения органов власти от усмотрения граждан и юридических лиц // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8.